

Научная статья

УДК 81.36, 811.113.4

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-55-74

**Датские пространственные наречия
как средство субъектной эмпатии
в художественном тексте**

Дина Борисовна Никуличева

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

nikulicheva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9281-0726>

Аннотация

Статья посвящена выявлению того, как взаимодействие субъектов коммуникации отражается в использовании пространственных наречий носителями датского языка. Хотя пространственные ориентиры «Я» / «Другой человек» / «Объекты внешнего мира», в принципе, присутствуют во всех языках, соотношение их удельного веса существенно отличается от языка к языку. Это иллюстрируется на материале сопоставления параллельных датских и русских художественных текстов. Будет показано, каким образом использование датских пространственных наречий (системно опускаемых при переводе на русский язык) приводит к «совмещению точки отсчета» субъекта высказывания, субъекта адресации и субъекта повествования, что создает коммуникативно-прагматический эффект, который мы предлагаем называть «пространственной эмпатией».

Ключевые слова

датский язык, пространственные наречия, пространственная ориентация, телесная ориентация, функциональная ориентация, картографическая ориентация

© Никуличева Д. Б., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 55–74

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 55–74

ция, субъект высказывания, субъект повествования, субъект адресации, пространственная эмпатия

Для цитирования

Никуличева Д. Б. Датские пространственные наречия как средство субъектной эмпатии в художественном тексте // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 55–74. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-55-74

Danish Spatial Adverbs as a Means of Spatial Empathy in Fiction

Dina B. Nikulicheva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

nikulicheva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9281-0726>

Abstract

Scholars note that languages distinguish between three types of spatial orientation, or spaces: egocentric (oriented toward the speaker), endocentric (oriented toward another person) and non-centered (without a clearly defined center of orientation). The article aims to show that although all languages can support these three types of spaces, the ratio and the specific weight of the orientation markings “I” / “Another person” / “External Objects” can differ significantly from language to language. The article illustrates this phenomenon by comparing parallel Danish and Russian texts.

The “multiplicity of subject spheres” is the concept proposed by the “Communicative Grammar of the Russian Language” and is fundamentally important for our study.

The study compares parallel literary texts and relies on the national corpus of the modern Danish language KorpusDK as a tool for verifying the data obtained.

The research method includes comparison of omissions and increments of meaning in the Russian literary translation compared to the Danish originals containing spatial adverbs.

As a result, the article illustrates how Danish spatial adverbs (systematically omitted in Russian translations) lead to “merging of the reference points” of the author, reader and character, and, thus, create a communicative-pragmatic effect, which we propose to call “spatial empathy”.

Keywords

Danish language, spatial adverbs, spatial orientation, body orientation, functional orientation, cartographic orientation, subject of utterance (author/speaker), subject of narrative (character), subject of message (reader/addressee), spatial empathy

For citation

Nikulicheva D. B. Danish Spatial Adverbs as a Means of Spatial Empathy in Fiction. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 55–74. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-55-74

Искусство писателя и переводчика состоит
в создании иллюзии присутствия читателя
в пространстве повествования.

Ида Йессен

(Выступление на русско-датском
переводческом семинаре
16.05.2024)

Введение

К прагматическим факторам взаимодействия говорящего и слушающего в процессе речевой коммуникации когнитология добавила еще одно измерение – фактор человеческого восприятия. В качестве важнейшего объекта своих исследований когнитивная лингвистика поставила вопрос о том, каким образом когнитивные процессы, обусловленные естественностью человеческого зрительного восприятия, преломляются, «попадая в пространство языка», где «приобретают выраженный условный характер» [Ирисханова, 2014, с. 7]. Это преломление в первую очередь связано с отмечаемой психологами общечеловеческой особенностью селективности восприятия. «К числу когнитивных механизмов, обеспечивающих проявление селективности в языке, в когнитологии стали активно применяться такие понятия гештальтпсихологии, как фокусирование, конструирование, фигура-фон, траектор и ориентир, перспективизация, точка зрения и др.» [Там же, с. 25].

Для нас важно проследить, как общечеловеческая способность перемещать фокус внимания с помощью языка преломляется в конкретном языке. Ведь язык – это неотъемлемая часть познавательной деятельности человека, в большой степени основанной на его зрительном восприятии. Поэтому в нашем исследовании важнейшую роль будут играть такие поня-

тии, как *перцепция, перцептор, позиция наблюдателя, позиция говорящего, ориентация, перспектива, совмещение точек зрения субъекта речи и субъекта повествования, слияние ментальных пространств* и др.

Для нашего исследования также важна высказанная Н. Н. Болдыревым идея о том, что в языках сосуществуют три типа пространственной ориентации: эгоцентрические (ориентированные на говорящего субъекта), эндоцентрические (противопоставленные говорящему субъекту) и нецентрированные пространства (без явно выделенного центра ориентации). В основе данной типологии лежит определенный способ профилирования точки отсчета, в качестве которой может использоваться сам говорящий субъект, его собеседник или какой-либо другой человек или объект [Болдырев, 2018, с. 30]. В нашей статье мы покажем, что, хотя маркирование трех типов пространств присутствует во всех языках, соотношение удельного веса ориентиров «Я» / «Другой человек» и ориентиров «Объекты внешнего мира», существенно отличается от языка к языку.

Особую значимость для нашего исследования приобретает также понятие *взаимодействия субъектных сфер*. Концепция множественности субъектных сфер получила детальную разработку в фундаментальном исследовании «Коммуникативная грамматика русского языка» [Золотова и др., 2004]. Объектом исследования коммуникативной грамматики является «человек как субъект речевой деятельности, социального общения, как лицо, воспринимающее и осмысляющее мир. Один из основных инструментов коммуникативной грамматики – выявление позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста» [Там же, с. 20]. Определяя термины, используемые при анализе языкового материала на фоне субъектной перспективы высказывания, авторы пишут: «Соотнесение субъекта сообщаемого факта (диктума) и субъекта факта сообщения (модуса) и вербализация их в конкретном высказывании позволяют выстроить субъектную перспективу высказывания, “прочертить” ось между Он субъекта исходной модели и Я говорящего. На этой оси выделяются субъектные зоны: S_1 (субъекта неосложненной модели), S_2 (субъекта каузатора), S_3 (субъекта авторизатора), S_4 (субъекта говорящего, автора данного высказывания) и S_5 (адресата высказывания, субъекта слушающего). Реализация конкретного участка этой схемы (конкретной субъектной зоны) в высказывании и есть субъектная сфера, которая прямо связана с внеязыковым положением дел. Таким образом, складывается пятичастная модель взаимодействия субъектных сфер» [Там же, с. 231].

Предметом исследования в нашей статье будет пространственное взаимодействие трех из указанных выше типов субъектов: субъекта говорящего = автора данного высказывания; субъекта слушающего = адресата высказывания; субъекта нарратива = субъекта предиктируемой модели.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как использование датских пространственных наречий (системно опускаемых при переводе на русский язык) приводит к «совмещению точки отсчета» субъекта высказывания, субъекта адресации и субъекта повествования, что создает коммуникативный эффект, который мы предлагаем называть *пространственной эмпатией*.

Материалом исследования послужили параллельные художественные тексты и национальный корпус современного датского языка KorpusDK¹ как инструмент проверки данных, полученных при сопоставлении художественных текстов.

Методы исследования включают три шага.

1. Сопоставление опущений и приращений смысла в русском художественном переводе по сравнению с датским оригиналом, содержащим пространственные наречия.

2. Сопоставление по KorpusDK контекстов с наличием / отсутствием пространственных наречий при идентичных предложных локативах.

3. Сопоставление по KorpusDK контекстов с наличием / отсутствием пространственных наречий при предложных локативах в рамках одного высказывания.

Специфика пространственной ориентации в зеркале перевода

Сопоставление параллельных текстов на датском и русском языках убедительно демонстрирует, что ориентация в пространстве имеет явную языковую специфику. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить с оригиналами художественные переводы на русский язык датских литературных текстов, выполненных профессиональными переводчиками.

¹ Dansk korpus 2007. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (дата обращения 04.09.2024).

В качестве иллюстрации обратимся к переводу романа известной датской писательницы и художественного переводчика Иды Йессен «Азбучная история» (Ida Jessen. ABC. Kbh.: Gyldendal, 2005. Ида Йессен. Азбучная история. Пер с дат. Н. Федоровой. М.: Текст, 2009).

Для начала сравним два примера, идя от русских переводов, а затем сопоставим их с теми нюансами пространственных смыслов, которые оказываются утраченными в русских эквивалентах, но обязательно присутствуют в датских оригиналах:

Йоаким *развесил* летние одеяла на перилах веранды и *посмотрел в сад*. (Азбучная история, с. 93)

Йоаким *настежь распахнул* двери и окна и принялся *выгружать* из машины багаж (Азбучная история, с. 93)

Joachim *hængte* sommerdynerne **ud over** rækværket på verandaen og *kiggede ned i* haven. (ABC, s. 85)

Joakim *smækkede* døre **op** på vid gab og begyndte at *bære ind fra* bilen (ABC, s. 84)

Если отвлечься от датского оригинала и сосредоточиться только на русских эквивалентах, то оказывается, что в русском тексте типично нюансируется *характер движений субъекта* относительно объектов внешнего мира: например, распределяющий характер движений субъекта при вертикальном размещении объектов (*развесил*²) относительно поверхности пространственного ориентира (*на перилах*) или о резком характере открывающего движения (*распахнул*³) и о перемещении тяжелых объектов изнутри наружу (*выгружать*) относительно контейнера-ориентира (*из машины*).

Если же теперь сравнить перевод с датским текстом, то становится понятно, что в русском переводе регулярно ослабляется субъектно-ориентационный компонент смысла датского оригинала: *hængte ud over rækværket* – досл. ‘повесил наружу сверху перил’, *kiggede ned i haven* – досл. ‘посмотрел вниз в сад’, *begyndte at bære ind fra bilen* – досл. ‘начал носить багаж внутрь из машины’.

² *Развесить* – «повесить в разных местах», «повесить, расправив, растянув» [БТСРЯ, 1998].

³ *Распахнуть* – «резким движением отвести в сторону», «широко раскрыть, раздвинуть» [БТСРЯ, 1998].

То, что опускается в русском переводе, – это своего рода «*дополнительная координата*» пространственной ориентации, присутствующая в датских примерах.

Так что помимо внешней ориентации действий относительно пространственных объектов за счет пространственных предлогов (*на перилах* – *over rækværket*, *в сад* – *i haven*, *из машины* – *fra bilen*) (нецентрированное пространство, по Болдыреву) в датском предложении регулярно присутствует и ориентация действия относительно субъекта.

Это происходит за счет пространственных наречий, первичная функция которых – *телесная ориентация относительно фигуры говорящего*. Причем в качестве такого антропоморфного субъекта, задающего эндоцентрированную организацию пространства, может выступать как субъект речи в монологических и диалогических высказываниях, так и субъект повествования в нарративе.

Наличие такой «дополнительной пространственной координаты», выражаемой специальными аналитическими маркерами, соответствует отмеченному Пером Дурст-Андерсеном коммуникативному типу датского языка как языка, ориентированного на адресата. Указание на пространственное положение объектов относительно субъекта дает адресату (читателю) возможность в буквальном смысле «поставить себя на место» субъекта, увидеть и живо почувствовать, как организовано пространство персонажа повествования. Тем самым создается перцептивный эффект, который мы предлагаем называть пространственной эмпатией.

Под эмпатией понимается «вчувствование в художественный объект»; «эмоциональная отзывчивость на переживания другого человека» [Мещеряков, Зинченко, 2009, с. 563].

Lys og skygge **faldt ind** gennem
biltruderne på det lille ansigt, og
Joakim **lagde** hånden **hen** til ham, så
Jacob kunne gribe om hans pegefinger
(ABC, s. 86)

Блики света и тени *израли* на его
личике. Йоаким *придвинул* руку
к мальчику, чтобы тот *ухватил его*
за палец. (Азбучная история, с. 94)

Если сравнить датский пример и русский перевод, то обращает на себя внимание одно типичное различие:

Сочетанию датского широкозначного глагола (**falde** ‘падать’, **ligge** ‘лежать’) с пространственным наречием (**ind**, **hen**) *нюансирующим траекторию движения* (**faldt ind gennem** Obj₁ på Obj₂), (**lagde** Obj₁ **hen** til Obj₂)

в русском переводе соответствует единая глагольная лексема, точнее изображающая *протекание денотативного процесса* («тени **играли** на личике», «**придвинул** руку»). (Кстати, к специфике широкозначных датских глаголов *ligge* «лежать» и *lægge* «класть» в значении пространственной локализации мы еще вернемся в этой статье.)

Особую роль в структурировании внутреннего пространства персонажа играет и наречие направления **hen**, указывающее, что *движение совершается в горизонтальном направлении и в пределах личного пространства персонажа*). В русском же переводе ослабевает смысл того интимного внутреннего пространства, которое сближает отца и сына, зато *усиливается визуальная характеристика* изображаемого.

Проиллюстрируем конструирование субъективных пространств на примере наречия *hen*.

Наречие *hen* закономерно употребляется в отношении движения руки: *pege hen mod noget* 'показывать пальцем на что-то' и в отношении перемещения внутри комнаты: *hen til vinduet* 'к окну', *hen til / over bordet* 'к столу, через стол', *hen ad / over gulvet* 'по полу', *hen mod til døren* 'к двери'. Его использование устанавливает горизонтальную пространственную ориентацию относительно субъекта.

Маркирование включенности пространственного объекта в личное пространство субъекта еще более заметно при наречии местоположения **henne**. Оно закономерно используется для обозначения предметов в комнате, где находится говорящий, и так же, как и *hen*, типично не переводится на русский язык: *henne i hjørnet*, *henne ved vinduet*, *henne ved døren* '<тут> в углу, у окна, у двери'.

В диалогической речи **henne** указывает на ориентацию относительно собеседников, включая объект в расширенное пространство коммуникации:

Husk at få rigtigt tilbage **henne hos** bageren 'Не забудь проверить сдачу в <нашей> булочной'.

Han boede **henne i** nummer seks 'Он жил <тут неподалеку> в доме номер 6'.

Конструирование субъективных пространств на примере наречий *UD* vs *IND* и *NED* vs *OP*

Для определения специфики пространственной ориентации, выражаемой указанными наречиями, обратимся вновь к сопоставлению параллель-

ных текстов, а затем к анализу употребления по датскому корпусу схожих локативов, отличающихся пространственным наречием: **ud i vandet / ned i vandet / _i vandet**

Ср. два ориентационных контекста, отличных по ориентации субъекта относительно **поверхности** воды:

På varme dage tog han en gammel cykel, der stod under tagudhængen, og *kørte ned til stranden*. Gennem duftende fyrreskov... Så *videde* landskabet *sig ud*. Der lå havet. Han lagde tøjet i en sirlig dyng og *gik* målbevidst **ud i vandet** (ABC, s. 10).

В жаркие дни он садился на старый велосипед, стоявший под навесом крыши, и *ехал на пляж*. Путь лежал через благоухающий хвоей лес... Потом пейзаж менялся. Впереди *открывалось* море. Сложив одежду аккуратной кучкой, он решительно *заходил в воду* (Азбучная история, с. 12).

В данном примере перемещение персонажа изобилует пространственными ориентирами, указывающими на траекторию его движения в объективном пространстве: вниз от дома, через лес к пляжу и в воду. Вместе с тем наречно-предложное сочетание *ud i vandet* указывает также на перемещение субъекта из закрытого в открытое пространство, на расширение поля зрения субъекта, что в русском переводе передано лексически: «Впереди *открывалось* море».

Когда же речь идет о меньших водных просторах, то вербализуется объективное расположение водной поверхности *ниже* относительно субъекта ориентации (**ned i vandet**).

Da solen stod højt på himmelen, gjorde vi holdt ved en sø. "Lad os tage en svømmetur inden maden! "[...]" råbte Bjørn. I en fart tog han alt tøjet af og hoppede som en frø lige **ned i** det grønne vand (KorpusDK).

‘Когда солнце было высоко в небе, мы остановились у озера. Давай поплаваем до обеда, воскликнул Бьерн. Он стремительно сбросил одежду и как лягушка *прыгнул в зеленую воду*.’

Ср. *отсутствие наречия направления* при непространственной семантике предиката *gå i vandet* в нереферентном значении ‘купаться’:

Han risikerede også, at hvis han *gik i vandet* og måske svømmede et stykke væk herfra, kunne broderen ikke få øje på ham (KorpusDK) ‘Он рисковал, что, если пойдет купаться (досл. ‘пойдет в воду’) и, может, заплывет подальше, брат потеряет его из виду’.

Приоритетность горизонтальной локализации для датской языковой культуры

Вообще, море как огромное открытое горизонтальное пространство, окружающее Данию со всех сторон (в этой островной стране нет ни одной географической точки, которая была бы удалена от побережья более чем на 52 км)⁴, наложило свой отпечаток на процесс восприятия пространства носителями датской лингвокультуры.

Сопоставляя функционирование глаголов местоположения в разных языках, Пер Дурст-Андерсен [Durst-Andersen, 2011, р. 39–41] показал, что выбор глагола позволяет понять, как тот или иной языковой коллектив видит стабильную ситуацию, когда фигура «*стоит*» / «*лежит*» / «*сидит*» / «*висит*» по отношению к фону.

Так, русскому предложению с глаголом вертикальной локализации «Дом *стоит* на углу» соответствует датское «Huset *ligger* på hjørnet» с глаголом горизонтальной локализации. Речь идет о том фокусе восприятия ситуации, который ребенок усваивает из речи взрослых. Когда русский говорит о городе, горе, корабле, полку, цене или температуре «*стоит*», а датчанин употребляет с соответствующими существительными глагол «*лежит*», то объяснение этому кроется в приоритетности фокуса либо на фигуре (прототипически вертикальной, как человеческая фигура), как это имеет место в русском языке, либо на фоне (прототипически горизонтальном, как поверхность земли или моря), как это имеет место в датском языке. Фокус внимания к фону в датском языке усиливается ориентацией датского языка на слушателя, поэтому для этого языка столь важна обязательная пространственная ориентация говорящего относительно слушающего, выражаемая пространственными наречиями.

Чтобы убедиться, что выбор глагола локализации *стоять* или *лежать* действительно связан с приоритетностью фокуса внимания на фоне либо на фигуре, достаточно взглянуть на картинку, предлагаемую в книге П. Дурст-Андерсена “Linguistic Supertypes” [Durst-Andersen, 2011, р. 40], иллюстрирующую датское выражение *ligge på knæ*, соответствующее русскому *стоять на коленях*:

⁴ «Næsten alle områder i Danmark ligger nær kysten, og intet sted i landet er der mere end 52 km fra havet». URL: https://da.wikipedia.org/wiki/Danmarks_geografi/.

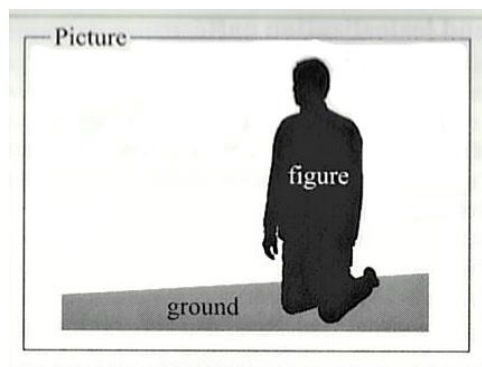

Figure 6. A still picture of person on his or her knees

Приведенный рисунок позволяет провести простой мыслительный эксперимент: сосредотачиваясь на вертикальной фигуре, невозможно определить изображенную на рисунке позу никак иначе, только «стоять». Однако если прежде взглянуть на горизонтальный фон, то сначала внимание фокусируется на той части ноги, которая расположена параллельно полу, поэтому в данном случае наиболее естественным будет определение этой позы именно как «лежать» на коленях.

Отмеченная особенность пространственного фокусирования имеет ряд более широких лингвокультурных импликаций.

Так, исследование Е. А. Гуровой *категории вежливости* показывает, что для датчан гораздо важнее *горизонтальный тип коммуникации*, нежели вертикальный. «Равенство, доверие, социальная сплоченность обуславливают низкую статусную дистанцию. На языковом уровне это проявляется в неформальности общения, в общении на «ты» не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, начальниками и людьми старшими по возрасту. Речевой акт благодарности играет большую роль в датской лингвокультуре, для которой характерен *особый тип вежливости среди равных*» [Никуличева и др., 2024, гл. V]. А проведенное Д. Б. Никуличевой экспериментальное исследование невербального представления биографических событий датчанами показывает, что базовым концептом для категоризации темпоральных противопоставлений является «*плоскость пережитой реальности*», что связано с большей перцептивной обо-

зримостью событий пережитой реальности по сравнению с любыми конструируемыми событиями [Никуличева и др., 2024, гл. II].

Особенностью датского восприятия фона как плоскости в пространстве можно объяснить тот факт, что горизонтальная локализация воспринимается более буквально, тогда как переосмыслению чаще поддается вертикальная ориентация (*op / ned*), превращаясь в *картографическую* либо *функциональную* ориентацию.

OP / OPPE vs NED / NEDE: картографическая ориентация

Под «картографической ориентацией», мы понимаем пространственные обозначения, когда *ned* значит «на юг», а *op* – «на север».

Итак, *ned til Spanien* ‘вниз (на юг) в Испанию’ и *op til Norge* ‘вверх (на север) в Норвегию’ – это, безусловно, иной тип ориентации – ориентация географических объектов. Но для нас важно подчеркнуть, что субъектная ориентация здесь все равно присутствует.

Отметим, что, как и в ориентационных контекстах (типа *han gik ned til stranden* ‘он спустился к пляжу’), здесь сохраняется типичное для физического ориентационного пространства *сочетание предлога с наречием*, хотя речь идет не об ориентации в физическом пространстве.

Говорящий как бы помещает себя в определенную точку на карте, и – в соответствии с точкой его собственного расположения – один и тот же географический объект оказывается визуально расположенным на карте либо выше, либо ниже. По умолчанию эта точка соответствует Дании, поэтому датчане едут *ned til Spanien* или *op til Norge*. Особенно показательны в плане субъектной ориентации географических объектов те контрастные примеры, где в зависимости от места положения субъекта один и тот же географический объект может оказаться либо «орре», либо «nede».

Ср. два примера из корпуса, где в первом речь идет о том, что субъект повествования находится «вверху в Осло», т. е. сам говорящий находится картографически «ниже», а значит, южнее, в Дании, а во втором – о том, что путешествие в Осло проходило «вниз» от полярного круга, т. е. рассказчик двигался с севера на юг:

*Men selvmotsigelsen går
lyslevende omkring **oppe i Oslo**. Han
hedder Stein Winge. ‘Но это «проти-
воречие» живьем расхаживает в
(**oppe i**) Осло. Имя ему – Стейн
Винге’. (KorpusDK)*

*Polarcirkelen passerer igen. Før
turen over højjældet ned til Oslo var
der tid til et besøg i den flotte
Nidarosdomkirke i Trondheim. ‘Опять
пересекаем полярный круг. Перед
путешествием через горы в (**ned til**)
Осло было время посетить велико-
лепный кафедральный Нидаросский
собор в Тронхейме’*

Возможно, в последнем примере совмещены оба ориентационные смысла: Тронхейм находится строго севернее Осло, но путешествие через горы к Осло, расположенному на побережье, связано и с понижением топографического ландшафта. Но в следующем примере такая двусмысленность снимается. Употребление *op* обозначает только ориентацию на север относительно Копенгагена, где живет персонаж. Его летний домик находится в Тисвилле-Хайне, расположенном на северном побережье Зеландии. Отправляясь туда, персонаж направляется строго на север, т. е. *вверх* по карте:

*Han havde også et lille sommerhus
i Tisvilde hegn, dybt inde i
granskoven, som han tog **op til** i
weekenderne og i ferierne (ABC, s. 10)*

*Был у Йоакима и летний домик
в Тисвилле-Хайне в глубине елово-
го леса, куда он ездил (**tog op til**) на
выходные и в отпуск. (Азбучная
история, с. 12)*

OP / OPPE vs NED / NEDE: функциональная ориентация

Важной антропоцентрированной ориентацией для носителей датского языка является пространственная ориентация относительно функционального центра и периферии. В этом плане интересны использования наречий *op* и *ned* в случаях, когда речь не идет о физическом перепаде высоты. Вот результат опроса, проведенного автором на главной пешеходной улице Копенгагена Strøget. Если спросить копенгагенца «Как пройти к “Сёстрене Грене”?» (Известный магазин авторских сувениров, находящийся на этой улице), стоя на центральной площади города – площади Ратуши (Rådhuspladsen), то тебе отвечают «Du skal **ned** ad Strøget». Если же задать этот

вопрос, стоя у другого конца улицы рядом с площадью Kongens Nytorv, то в ответ слышишь «*Du skal **op** ad Strøget*». Благодаря этому **op**, адресат понимает, что должен двигаться в сторону центра.

Подчеркнем, что здесь не идет речь о картографической ориентации (типа описанного выше путешествия **op til Norge**). Убедительное подтверждение находим в диалоге из датского учебника Л. Боструп:

- *Undskyld, hvordan kommer jeg til Sankt Petersstræde? – Du skal **over** Rådhuspladsen og **ned** ad Vestervoldgade og så er det tredje vej til højre* [Bostrup, 2003, s. 59]. ‘- Простите, как мне пройти к переулку Санктпетерсстреде? – ‘Вы должны перейти через Ратушную площадь и идти **вниз** по улице Весервольдгаде, а затем третий поворот налево’.

Использование **ned** сигнализирует адресату об удалении от центральной точки города – Ратушной площади, а не о движении на юг, что очевидно из прилагаемой на следующей странице учебника карты старого города (р. 61): картографически и переулок Санктпетерсстреде, и улица Стрёгет, наоборот, расположены севернее Ратушной площади.

Движение в горизонтальной плоскости по направлению к функциональному центру данного локуса, концептуализируется как движение *вверх*. Именно поэтому движение в храме к алтарю – это всегда *gå **op** ad kirkegulvet*, а движение в сторону выхода из храма – *gå **ned** ad kirkegulvet*.

Вот типичные примеры из KorpusDK, описывающие церемонию церковного венчания и похорон:

*Musikken starter. Signe og hendes far går atter **op ad gangen**. Vielsen begynder* ‘Звучит музыка. Сигне и ее отец опять идут (**op**) по проходу (= в сторону алтаря). Начинается церемония венчания.’

*End ikke en af de hundredvis af mennesker, der sad afventende på de lange træbænke, mæglede et ord. Han tog en dyb indånding og begav sig derefter på vej **op ad den lange gang**. Forsigtigt lod han sig glide ned på knæ foran forhøjningen, hvorpå den hvide kiste stod.* ‘Ни один из сотен людей, сидевших в ожидании на длинных деревянных скамьях, не произнес ни слова. Он глубоко вздохнул и пошел (**op**) по длинному проходу. Он осторожно опустился на колени перед возвышением, на котором стоял белый гроб.’

В приведенных примерах речь шла о конвенционализированных в данном языковом коллективе функциональных центрах – главной площади города, алтаре в церкви. Но функциональным центром для человека является и его жилье, движение к или *от* которого также маркируется в датском языке противопоставлением наречий **op** и **ned**. В этом плане интересен коммен-

тарий Пера Дурст-Андерсена при обсуждении функционального противопоставления **op** и **ned** с автором данного исследования:

Du kan sagtens sige “Jeg går lige **ned** til postkassen”, men det kræver at der er et pænt stykke fra huset til postkassen, hvis der ikke er tale om niveauforskel. Det samme gælder “Jeg går lige **op** til huset”. Hvis afstanden er kort, hedder det “**ud** til postkassen” og “**ind** i huset” – fx siger vi sådan hjemme hos os. Men i Sverige, hvor postkassen ligger *langt væk og er uindset*, så siger vi “Jeg går lige **ned** og henter posten”. Spørger du mig, så vil jeg sige at det skyldes at postkassen ligger på en anden grund end vores egen. Brugen af disse positionsadverbialer er udelukkende styret af hvad afsender regner for centrum og periferi. Med andre ord vil vi sige “Vi tager **ned** på godset”, fordi vores centrum er vores eget hus, men man kan udmærket sige “**oppe** på godset”, hvis man er i et område, man ikke har tilknytning til, og uden at der er niveauforskel. ‘Вполне можно сказать: «Схожу (**ned**) к почтовому ящику», но для этого требуется, чтобы - при условии отсутствия перепада по высоте - от дома до почтового ящика было достаточно большое расстояние. То же самое относится и к «Я пойду (**op**) к дому». Если же расстояние небольшое, то я скажу: «Выйду (**ud**) к почтовому ящику» и «Войду (**ind**) в дом» – например, мы так мы говорим у себя дома <в Копенгагене>. Но <в нашем летнем доме> в Швеции, где почтовый ящик находится далеко и не виден <от дома>, мы говорим: «Схожу (**ned**) заберу почту». Если меня спросить, я бы ответил, что это потому, что почтовый ящик находится не на нашем участке. Использование наречий **op** и **ned** определяется здесь исключительно тем, что говорящий считает центром и периферией. Мы также говорим: «Мы идем (**ned**) в поместье» <имея в виду поместье, расположенное недалеко от нашего дома>, потому что для нас центр – наш собственный дом, а другие люди вполне могут сказать «Мы идем (**op**) в поместье», если они находятся в местности, с которой сами не связаны. Перепад по высоте при этом отсутствует.’

Аналогичные семантические особенности отмечались А. Н. Ливановой для норвежского языка. Приводя похожий на обсуждавшийся с П. Дурст-Андерсеном пример с почтовым ящиком (*Det siste vi gjorde, var å måke opp veien gjennom hagen ned til postkassa* ‘Последнее, что мы сделали, это расчистили дорогу в сад *вниз* к почтовому ящику’), исследовательница пишет, что этот пример «можно понять двояко: и вертикально и удаленно. Отсюда возникает норвежское нюансирование пространства на плоскости: Ср. *Fra Norge ned til Russland* ‘Из Норвегии <вниз> в Россию’. Комментируя этот пример, А. Н. Ливанова пишет, что использование *ned* «выводит объект за пределы личной сферы говорящего» [Ливанова, 1998, с. 46].

Сказанное подтверждается примерами из KorpusDK. В этом плане интересны контрастные примеры движения по коридору. Если речь идет о приближении к функциональному пространству персонажа или повествователя, то используется наречие **op**, если же речь идет об удалении из этого функционального пространства, то закономерно используется **ned**:

Han skulle lige til at knappe bukserne op, da vi hørte hastige skridt på vej op ad gangen til vores værelse.
 ‘Он уже собирался расстегнуть штаны, когда мы услышали торопливые шаги (op) по коридору, <приближающиеся> к нашей комнате.’

Jeg sagde: “Jack, vågn op! Totusind jøder venter på mig. Få mig for guds skyld ud herfra! “. Så tog han et håndklæde og slyngede det om sig og førte mig ned ad korridoren til en elevator. ‘Я сказал: «Джек, просыпайся! Меня ждут две тысячи евреев. Вытащи меня отсюда ради бога!». Тогда он схватил полотенце, обернул его вокруг себя и повел меня (ned) по коридору к лифту.’

Подчеркнем еще один важный момент. Речь идет не о формальном противопоставлении движения по коридору внутрь жилища как **op**, а по направлению к выходу из жилища как **ned**. Для датского пространственного мышления гораздо важнее антропоцентрированный фактор: удаление или приближение к функциональному пространству той ситуации, в которой находится говорящий или персонаж.

Проиллюстрируем это примером из романа Иды Йессен. Главный герой Йоаким впервые входит в квартиру его будущей жены Сюзан. Подробно описываются захлавленная прихожая и встретившая его там девочка. Это важная сцена. Удаленность жилых комнат, расположенных в глубине коридора от этого - функционального для персонажа – пространства прихожей, дальше которой его не впускают, передается наречием **nede**:

Nede for enden af gangen bag en halvåben dør, lød der skramlen med gryder og brusende vand. “Mor. Det er til dig”. Han fulgte efter ned gennem gangen. (ABC, s. 28) ‘Из приоткрытой двери (**nede**) в конце коридора доносилось дребезжание кастрюль и шум льющейся воды. – Мама, это к тебе. Следом за Дитте Йоаким шагнул (**ned**) по коридору к той двери.’

Сопоставление *телесно-ориентированных, функционально-ориентированных и картографически ориентированных* употреблений позволяет нам утверждать, что в пространственной ориентации, выраженной датскими наречно-предложными сочетаниями, можно выделить две пространственные перспективы: внутреннюю, когда точкой отсчета выступает фигура субъекта речи или субъекта повествования, – это эго- и эндоцентрированные пространства, по Болдыреву (такая ориентация обслуживается в датском языке пространственными наречиями), и внешнюю, когда ориентация происходит относительно объективно заданного расположения физических объектов, а субъект помещается в эту внешнюю систему координат. Это нецентрированные пространства, по Болдыреву. Такая ориентация системно обслуживается в датском языке пространственными предложениями. Таким образом, типичные для скандинавских языков наречно-предложные сочетания типа *op til*, устанавливают двойственную – как объектную, так и субъектную – пространственную ориентацию.

О том, сколь важна для датской лингвокультуры субъектная ориентация (как эгоцентрированная ориентация на субъект говорящего, так и эндоцентрированная ориентация на субъект повествования) можно судить по тому, насколько более обязательно употребление пространственных наречий в датских текстах по сравнению с их русскими эквивалентами.

Использование датских пространственных наречий служит действенным средством создания слияния ментальных пространств повествователя, персонажа и читателя в художественной литературе, что мы и называем пространственной эмпатией.

Заключение

Исследованный участок грамматической системы датского языка продемонстрировал такие его характерные типологические особенности, как использование аналитического ресурса «малых слов» - в данном случае пространственных наречий - для выражения важных для датского языкового коллектива антропоцентрированных смыслов.

Наречно-предложные сочетания (типа *hen ad*, *op til* и др.), которыми обычно в датском языке обслуживается пространственная локализация, имеют двойственную направленность. Если предлог ориентирует объект или событие относительно объектов внешнего мира, то пространственное наречие обслуживает субъектную ориентацию, создавая пространствен-

ную эмпатию автора, персонажа и адресата художественного произведения.

Базовым для датской лингвокультуры является горизонтальное восприятие фона как плоскости в пространстве.

Особенностью датского восприятия фона как плоскости в пространстве можно объяснить тот факт, что именно вертикальная ориентация (op / ned) чаще переосмысливается, превращаясь в картографическую либо в функциональную субъектную ориентацию.

Горизонтальный фокус при конструировании пространств можно соотносить и с такими особенностями датской лингвокультуры, как «горизонтальный тип датской коммуникации» и как концептуализация «плоскости пережитой реальности» в качестве основы категоризации темпоральных форм датского глагола.

Список литературы

Болдырев Н. Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 32. С. 26–35.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, МГУ, 2004. 542 с.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014. 320 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Ливанова А. Н. Особенности функционирования пространственных выражений в норвежском языке // Материалы XXVII Межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 1998. С. 44–47.

Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.

Никуличева Д. Б., Крылова Э. Б., Гурова Е. А. Антропоцентрическая грамматика датского языка. М.: МАКС Пресс, 2024. 416 с.

Bostrup L. Aktivt dansk. Viborg: Akademisk forlag, 2003. 136 s.

Durst-Andersen P. Linguistic Supertypes. A Cognitive-semiotic Theory of Human Communication. Berlin: de Gruyter Mouton, 2011. 314 p.

Список источников

- Ida Jessen. ABC. Kbh.: Gyldendal, 2005. 205 s.
Ида Йессен. Азбучная история / Пер с дат. Н. Федоровой. М.: Текст, 2009. 220 с.
KorpusDK – Dansk korpus 2007. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (обращение 04.09.2024).

References

- Bezukladova I. Yu. Antropotsentrizm kak printsip kategorizatsii egotsentricheskikh prostranstv v yazyke [Anthropocentrism as a principle of categorization of egocentric spaces in language]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2018, no. 1, pp. 72–77. (in Russ.)
Boldyrev N. N. Antropotsentrizm prostranstva i vremeni kak form yazykovogo soznaniya. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2018, iss. 32, pp. 26–35. (in Russ.)
Bostrup L. Aktivt dansk. Viborg, Akademisk forlag, 2003, 136 s.
Durst-Andersen P. Linguistic Supertypes. A Cognitive-semiotic Theory of Human Communication. Berlin, de Gruyter Mouton, 2011, 314 p.
Iriskhanova O. K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014, 320 p. (in Russ.)
Kuznetsov S. A. (ed.). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1st ed. St. Petersburg, Norint, 1998, 1534 p. (in Russ.)
Livanova A. N. Osobennosti funktsionirovaniya prostranstvennykh vyrazhenii v norvezhskom yazyke [Features of the functioning of spatial expressions in the Norwegian language]. In: Materialy XXVII Mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov [Proceedings of the XXVII Interuniversity scientific and methodological conference of teachers and post-graduate students. St. Petersburg, SPbSU Press, 1998, pp. 44–47. (in Russ.)
Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [The Large Psychological Dictionary]. 4th ed., expanded. Moscow, AST; St. Petersburg, Prime-Euroznak, 2009, 811 p. (in Russ.)
Nikulicheva D. B., Krylova E. B., Gurova E. A. Antropotsentricheskaya grammatika datskogo yazyka [Anthropocentric grammar of the Danish language]. Moscow, MAKSPress, 2024, 416 p. (in Russ.)

Zolotova G. A. Onipenko N. K. Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, IRL RAS, MSU Press, 2004, 542 p. (in Russ.)

List of Sources

Ida Jessen. ABC. Kbh.: Gyldendal, 2005, 205 s.
Ida Jessen. Azbuchnaya istorya [ABC]. Transl. from Danish by N. Fedorova. Moscow, Tekst, 2009, 220 p. (in Russ.)
KorpusDK – Dansk korpus 2007. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (accessed 04.09.2024).

Информация об авторе

Дина Борисовна Никуличева, доктор филологических наук, профессор
WoS Researcher ID ABD-6376-2021

Information about the Author

Dina B. Nikulicheva, Doctor of Sciences (Philology), Professor
WoS Researcher ID ABD-6376-2021

*Статья поступила в редакцию 01.02.2025;
одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.03.2025
The article was submitted on 01.09.2024;
approved after reviewing on 10.03.2025; accepted for publication on 10.03.2025*